2
Р—86

Н. РУМЯНЦЕВ

ЖИЛ ЛИ ИИСУС ХРИСТОС

Инв. 21942

ТЕХНИКУМ
Библио...
СВЯЗИ

Библиотека ТКМ
Инв. № 14617

БИБЛИОТЕКА
Куйбышевского
Инв. № 78/1.
ТЕХНИКУМА
Электросвязи Н. К. С.

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1937

Представлен
фрагмент документа

ВВЕДЕНИЕ

По учению христианской церкви, христианская религия была основана девятнадцать веков назад Иисусом Христом, богочеловеком и сыном божьим, божеством, «единосущным» богу-отцу. Этот бог Иисус, как утверждает церковь, некогда родился на земле от женщины, жил на земле во плоти человека, проповедывал людям новые пути спасения, творил чудеса, основал первую общину своих последователей — христиан, заложил основы церкви. Подвергшись преследованиям со стороны земных властей, Иисус был арестован, осужден, предан смертной казни на кресте и погребен, но затем чудесно воскрес и вернулся к своему небесному отцу.

Церковное учение об Иисусе Христе как об историческом, но сверхъестественном существе-богочеловеке явно противоречит здравому смыслу и естественным законам природы. Учитывая это и желая все же спасти церковное изображение Иисуса как основателя христианства, некоторые буржуазные историки отбрасывают божественную природу Иисуса и выставляют его только человеком, исторической личностью.

При этом одни из них вслед за Ренаном изображают Иисуса необыкновенной, чарующей личностью, которую некоторые современники и ближайшие потомки наделили божественными чертами. Другие вслед за Д. Штраусом рисуют Иисуса, наоборот, простым человеком, дюжинной личностью, вокруг которой лишь случайно и постепенно сплелась цепь чудесных мифов-сказаний. Третьи вслед за К. Каутским пытаются доказать, будто Иисус был «бунтарем» и неудачно возглавлял революционную борьбу еврейской бедноты в Палестине.

Таким образом, и правоверные церковники, и вышеуказанные буржуазные историки вместе с ренегатом Каутским сходятся между собой в признании Иисуса исторической личностью, подлинным основателем христианства, но только первые приписывают ему на ряду с человеческой еще и божественную природу, а вторые рисуют его просто человеком. Кто же из них прав

в изображении Иисуса? Кем же Иисус был на самом деле, в действительности?

Ответ на эти вопросы дает марксистская историческая наука. Она доказывает, что церковники и буржуазные историки сознательно и умышленно искажают начальный раннехристианский образ Иисуса и рисуют совершенно неверную картину возникновения самого христианства.

Неопровержимыми фактами историческая наука установила что Иисус Христос на самом деле никогда не был реальным человеком, исторической фигурой, а тем более божеством во плоти: он — личность неисторическая, религиозно-фантастический образ, который сложился в сознании верующих и постепенно наделялся чертами человека.

Марксистская историческая наука, опровергая вышеприведенные утверждения церковников и буржуазных историков, не только показывает начальный раннехристианский образ Иисуса Христа, но и объясняет происхождение и развитие этого образа, а также его классовую роль.

СОСТОЯНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ в I в.

Христианство возникло в Римской империи в I в. Империя делилась тогда на Италию со столичным г. Римом и на провинции, которые охватывали собою почти всю Западную и Южную Европу, Северную Африку, Палестину, Сирию, Малую Азию и острова Средиземного моря. Это огромное государство образовалось в результате завоевания и покорения Римом соседних стран и народов.

Примерно половину его населения составляли рабы. Свободные делились на римских граждан и на неграждан. К негражданам, или подданным, относились свободные жители провинций. Согласно произведенной в 14 г., при императоре Августе, переписи свободного населения империи, полноправных граждан было около 5 млн., а провинциальных подданных — около 55 млн.

В покоренных странах-провинциях римское завоевание разрушило существовавший у них политический строй и прежние общественные условия жизни. Управляли провинциями чиновники, назначаемые из среды римской знати. Судились провинциалы римскими судьями на основании римских законов. Провинции задыхались под тяжестью налогов, поборов и прямого грабежа со стороны римских чиновников.

В Египте, например, существовало, кроме двух главных налогов — поземельного и подушного, еще около 210 других. Жители острова Сицилии в порядке натуральных повинностей ежегодно выплачивали Риму только зернового хлеба 3 млн. модиев (модий = 8,75 литра).

Основным производящим классом были рабы, составлявшие половину населения империи: их число доходило до 60 млн.

чает: «добрая, радостная весть». Это слово во множественном числе употреблялось для обозначения благодарственной жертвы по случаю хороших вестей. Христиане заимствовали этот термин и стали применять его к особого рода литературе — к повествованиям о жизни и деятельности Иисуса Христа и богородицы.

Евангелия у тогдашних христиан появились не сразу. Сначала были в ходу так называемые «логии» — коротенькие записи изречений, будто бы сказанных Иисусом. Вырабатывались и устные сказания о нем. Потом все это стало обрабатываться в цельные и связные «евангелия». Таких евангелий христианами II в. и позднее было написано несколько десятков, причем ни один из их авторов не известен. Приписывались они сказочным апостолам Иисуса и их ученикам. Так, например, кроме фигурирующих в христианской библии четырех евангелий — от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, были в ходу еще евангелия от Петра, Иакова, Иуды, Никодима, от евреев, египтян, от «двенадцати» и др. Все они по-разному изображали Иисуса и его жизнь.

Отдельные общины христиан держались того или другого евангелия и признавали только его священным и надежным. В связи с этим между христианскими общинами происходили частые разногласия и велись нескончаемые споры.

Наконец в IV в. христианская церковь произвела основательную «чистку» евангелий. Она признала священными, непогрешимыми и боговдохновенными лишь четыре евангелия и ввела их в свой библейский список и сборник — «канон», почему они стали называться «каноническими». Остальные евангелия церковь отбросила и объявила «апокрифическими» — отреченными, причем одни из них она разрешила для домашнего чтения верующим, другие запретила совсем и осудила на уничтожение.

Чистка эта была проделана победившим в церкви течением потому, что множественность евангелий и различные противоречивые рассказы о Христе, его жизни и учении сеяли смуту и сомнения в истинности всего учения и основ самой церкви.

Каковы же историческая достоверность и надежность евангельских рассказов об Иисусе?

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КАНОНИЧЕСКИХ ЕВАНГЕЛИЙ

Канонические евангелия переполнены всяческими подробностями и повествованиями о рождении, земной деятельности, смерти и воскресении Иисуса. В отличие от «Откровения Иоанна» и «Павловых посланий» они рисуют уже конкретную обстановку земной жизни Иисуса. Однако авторы евангелий допускают здесь такие грубые исторические, географические и другие ошибки и нелепости, что уже одним этим они подрывают всякое доверие к своим произведениям.

Так, например, евангелия сообщают, будто Иисус родился

в Иудее (Палестина) при еврейском царе Ироде Великом и римском наместнике Квириние. Но это утверждение является нелепостью. Царь Ирод умер за четыре года до хр. э. и после него в течение десяти лет Иудеей правил его сын Архелай. В 6 году хр. э. император Август сместил и сослал Архелая, превратил Иудею в римскую провинцию, послал туда наместником-прокуратором всадника Копония и в помощь ему по податной части дал финансового чиновника Квириния. Таким образом, между смертью Ирода и службой Квириния в Иудее при Копонии прошло десять лет. Как же Христос мог родиться одновременно при Ироде и Квириние?

Далее, евангелия рассказывают, будто Иисус был осужден на смерть и казнен в Иерусалиме при двух иудейских первосвященниках — Анне и Каиафе. Но и этого быть не могло, так как у евреев всегда был и мог быть только один первосвященник. Из трудов тогдашнего еврейского историка Иосифа Флавия мы знаем, что Анна был первосвященником в 6—15 гг., а его зять Каиафа носил это звание с 18 г. по 36 г.; между ними было еще три неизвестных нам первосвященника.

Наконец, автор евангелия от Марка рассказывает, будто Иоанн-Креститель был казнен при царе Ироде-Антипе за то, что упрекал его в кровосмесительном браке с Иродиадой — женой его брата Филиппа. Иродиада же добилась этой казни благодаря своей юной дочери-девушке Саломее, которая сумела пляской на пиру угодить царю (VI, 14—29).

И здесь мы видим сплошную путаницу.

На самом деле Ирод-Антипа никогда не был царем и не носил этого звания, а был простым правителем одной из четырех областей Палестины. Иродиаду он сманил от своего брата — Антипы младшего, а не от Филиппа. В то время, какое имеет в виду здесь евангелист, Саломея была уже не молодой девушкой, а взрослой замужней женщиной и даже вдовой. Невероятен и самый факт пляски «царевны» на пиру: на Востоке это считалось зазорным и дозволялось только специальным танцовщицам-проституткам, чаще всего из рабынь.

Полное невежество обнаруживают евангелисты также по части географии Палестины, где будто бы протекала земная жизнь Иисуса. Так, они называют целый ряд городов и местечек: Назарет, Капернаум, Хоразин, Вифсаиду, Виффагию и некоторые другие, которых на самом деле в Палестине I—II вв. совсем еще не было. Маленькое Генисаретское озеро у них превратилось в «Галилейское море». Они не приводят названия ни одной из многочисленных гор, на которые будто бы приходилось подниматься Иисусу. Они не упоминают также ни одной из тех бесчисленных больших и малых речек-притоков, которые впадают в Иордан и которые Иисус должен был бы переходить в своих странствованиях.

Евангелистам не известны также наиболее типичные для Пале-

стины дикие животные: лев, пантера, дикая кошка, шакал, гиена, кабан и т. д., но зато они называют волка, который там почти совсем не водится. Из домашних животных они упоминают огромное стадо свиней, которых евреи совсем не разводили. Такая же картина у них и с растительным миром Палестины: они совсем не упоминают о распространенных там деревьях — оливковом, гранатовом, миндальном, о финиковой пальме, кедре и др.

Маленькое травянистое растение, родственное капусте, — горчицу — они изображают в виде огромного, развесистого дерева (Лука, XIII, 19).

Климатические, а также жилищные, бытовые и хозяйственные условия, приводимые евангелистами, тоже не соответствуют условиям древней Палестины.

Таким образом, внимательный разбор евангелий говорит о том, что их авторы не знали ни истории, ни географии, ни экономики Палестины I в., т. е. того времени, о котором они рассказывают. По части конкретных, точных данных об окружавшей будто бы Иисуса обстановке эти произведения оказываются несостоятельными и доверия не заслуживают.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ СКАЗКИ О РОЖДЕНИИ ИИСУСА

Такую же картину мы наблюдаем в евангельских рассказах об отдельных моментах земной жизни Иисуса. Для примера рассмотрим сказания о его рождении и детстве. Рождение это описывается только двумя евангелистами — Матфеем и Лукой, причем оба они рисуют здесь самые противоречивые и явно сказочные картины.

Матфей рассказывает так: в южно-иудейском г. Вифлееме при царе Ироде жили праведные дева Мария и престарелый муж ее Иосиф. Последний однажды с огорчением узнал, что девственная жена его от кого-то забеременела, и решил ее прогнать. Тогда ангел явился ему во сне и объяснил, что Мария зачала от святого духа, что ее сын будет носить имя Иисуса и что он явится спасителем мира. Иосиф поверил словам благовестника, оставил жену у себя, и она родила ему сына Иисуса.

Иисус родился в Вифлееме, в доме своих родителей. Чудесная звезда на небе возвестила собой о его рождении и привела на поклонение к нему восточных волхвов с богатыми дарами. Узнав от них о рождении необыкновенного младенца, царь Ирод и все население столичного Иерусалима встревожились. Желая отделаться от возможного в будущем претендента на власть, Ирод произвел массовую резню детей в Вифлееме и окрестностях. Заранее предупрежденные ангелом родители новорожденного Иисуса бежали с ним в Египет и переждали там смерть Ирода. После этого они вернулись в Палестину, но из боязни

нового царя Архелая поселились не в родном Вифлееме, а в северо-галилейском городке Назарете (гл. I—II).

Совсем иначе рисует дело Лука.

Согласно его рассказу, родители Иисуса всегда проживали в Назарете. Там девственной Марии однажды явился ангел и поздравил ее с тем, что она чудесно зачнет и родит сына Иисуса. Удивленная дева сначала усомнилась в возможности такого чуда, ибо она «мужа не знала», но затем покорилась неизбежному. Римской империей тогда правил Август. Он издал декрет о всеобщей переписи населения. В Палестине эту перепись должен был проводить римский наместник Квириний.

Выполняя императорский декрет, Иосиф с беременной Марией отправились для дачи о себе сведений в далекий город своих предков — Вифлеем. Когда они добрались туда, то не нашли места в гостинице и остановились за городом, в каком-то загоне для скота. Там Мария родила своего сына Иисуса от святого духа. Чудесные знамения отметили это событие: соседним пастухам на поле явились ангелы, сообщили о рождении чудесного младенца и пропели в воздухе гимн «Слава в вышних богу» и т. д.

По указанию ангелов пастухи разыскали младенца и его родителей и рассказали им о чудесном явлении на поле, чему все удивлялись. Затем Иосиф с Марией выполнили над Иисусом надлежащие иудейские обряды обрезания и принесения в храм, после чего спокойно вернулись в свой родной Назарет и каждый год оттуда продолжали посещать Иерусалим на празднике пасхи (I, 26—38, II, 1—4).

Таковы евангельские рассказы Матфея и Луки о рождении Иисуса Христа. В этих рассказах мы видим три основных непримиримых противоречия в отношении времени, места и обстоятельств этого «события».

По словам ев. Матфея, Иисус родился «в дни царя Ирода», по ев. Луки — при римском наместнике Квириние, в год всеобщей переписи населения империи при Августе. Но мы уже знаем, что между смертью Ирода и прибытием Квириния прошло десять лет. Кому же верить? Ведь, если поверить Матфею с его Иродом, то сам собою отпадает весь рассказ Луки. Если же согласиться с Лукой, отпадет весь рассказ Матфея. Примирить это противоречие нельзя.

Так же непримиримы между собой евангельские рассказы и о родном городе Иисуса, местопребывании его родителей. Где же обычно жили Иосиф с Марией: в иудейском Вифлееме или же в галилейском Назарете? Не забудем при этом, что, как мы уже отмечали раньше, Назарет в те времена совсем еще не существовал. Остается Вифлеем, но и этот город отпадает, так как Матфей сам же указывает, что он выводит его местом рождения Иисуса лишь по особым соображениям: согласно мессианским

чаяниям иудеев, мессия будто бы должен был родиться именно в Вифлееме, откуда происходил родом царь Давид.

Не спелись евангелисты между собой и в описании обстоятельств рождения Иисуса. У Луки рождение и младенческие годы Христа окутаны дымкой безмятежного счастья, семейной идиллии, не омрачаемой никакими особыми невзгодами. Картина Матфея, наоборот, написана в мрачных тонах, носит мрачный и даже кровавый колорит. В ней мы видим ревнивого к власти деспота Ирода, козни против младенца Иисуса и его родителей, массовую резню вифлеемских детей, бегство Иосифа с Марией на далекую чужбину и т. д. и т. п.

Так по-разному евангелисты изобразили рождение Иисуса Христа. Что же касается вообще достоверности обеих этих картин, то их сказочный, мифологический характер ясен, как день. Ведь можно ли верить хоть в чем-нибудь рассказам, сплошь построенным на чудесах с святым духом, ангелами, непорочно забеременевшей девой, божественным младенцем, таинственными волхвами, вещими снами и т. п.?

Совершенно очевидно, что перед нами религиозные сказки, мифы, а не история, не описание исторического события.

Материал для этих мифов евангелисты заимствовали в массе из мира современных им иудейских и «языческих» сказаний, а также из ветхозаветной литературы — «писания». В «языческом» мире существовало много сказаний о различных богах, героях и исторических деятелях, что они будто бы были непорочно зачаты своими матерями-девами, подвергались при рождении различным преследованиям и чудесно спасались.

Так, например, египтяне рассказывали, что их богиня Изида девой чудесно зачала и родила своего сына Гора и вместе с ним спасалась бегством от козней коварного божества Сета. Ассирийский царь Саргон I в одной надписи рассказывает, что мать непорочно родила его в потаенном месте и была вынуждена бросить его в реку, но он был спасен и затем с помощью богини Иштар достиг престола. Мы уже видели, что таким же чудесным образом будто бы родились от своих матерей-дев многие эллинистические «спасители». Во всех этих случаях отцами чудесных младенцев являлись будто бы боги. Римляне приписывали такое рождение своему «спасителю» Августу: мать родила его от бога Аполлона, а сенат старался погубить всех детей, родившихся в тот год.

У древних евреев тоже существовало много подобных сказаний, частично попавших в ветхозаветную библию. Они рассказывали, например, будто сам бог и ангелы предсказали рождение патриарха Исаака (Бытие, XVII—XVIII) и силача Самсона (книга Судей, XIII). Сказочному Моисею в детстве угрожала опасность: фараон — египетский царь, опасаясь за себя и за свое царство, приказал умерщвлять всех еврейских младенцев в своей стране, и только чудо спасло Моисея.

Согласно еще одному еврейскому сказанию, царь Нимврод увидел на небе странную звезду; волхвы объяснили ему, что она возвещает о рождении младенца, родоначальника великого народа, которому суждено в будущем владычествовать над миром; тогда Нимврод повелел умертвить всех младенцев в своем царстве, но мать чудесного младенца — будущего патриарха Авраама, предупрежденная об опасности, спаслась бегством и родила сына в пещере.

Ограничимся этими хотя бы примерами. Несомненно, евангелисты весь основной мифологический материал для своих рождественских сказок об Иисусе заимствовали из этого мира «языческих» и иудейских сказаний, причем подвергли его своей христианской переработке. Они старались показать, что Иисус Христос был сыном божьим, богочеловеком и тем чаемым «спасителем», о котором будто бы предсказывали еще ветхозаветные пророки, что он некогда родился на земле и что его рождение происходило в такой же чудесной обстановке.

Родился Иисус будто бы для спасения всех людей и для установления всеобщего «мира на земле», т. е. для прекращения классовой борьбы между эксплоатируемыми обездоленными массами рабов и бедноты и правящей кликой эксплоататоров. Это реакционное учение о спасителе Иисусе и о его рождении не было опасно для правящих слоев Римской империи.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЕВАНГЕЛЬСКОМ УЧЕНИИ ИИСУСА

Если верить евангельским рассказам, то деятельность Иисуса на земле, среди людей проходила по двум линиям — проповеди нового учения и творения чудес. Они приводят даже содержание учения Иисуса в виде отдельных кратких изречений, притч и длинных проповедей. Но и здесь мы в евангелиях встречаем на каждом шагу всяческие противоречия, причем все евангелисты непримиримо противоречат друг другу, а часто даже и самим себе.

Так, например, у Матфея Иисус в одном месте говорит: «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами божиими» (V, 9), а в другом: «не мир пришел я принести, но меч» (X, 34); или: «всякий гневающийся на брата своего подлежит суду» (V, 22), и: «я пришел разделить сына с отцом его, дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (X, 35); «никто не может служить двум господам» (VI, 24), и: «отдавайте кесарево кесарю, а божие богу» (XXII, 21).

Или еще: «не судите, да не судимы будете» (VII, 1), и: «сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен израилевых» (XIX, 28); «блаженны нищие духом» (V, 3), и: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»; «возлюби ближнего своего, как самого себя» (XXII, 39), и: «на путь к язычникам не ходите и в город самарянский не входите, а идите наипаче

к погибшим овцам дома израилева» (X, 5—6); или: «нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (т. е. проповедывать учение среди язычников; XV, 26).

Таких примеров противоречий евангелиста самому себе, когда он будто бы приводит слова Иисуса, можно было бы привести множество. Еще больше противоречий мы находим при сопоставлении различных евангелий.

Так, например, у Марка Иисус говорит: «во всех народах (языческих) прежде должно быть проповедано евангелие» (XIII, 10), а у Матфея, наоборот: «на путь к язычникам не ходите» (X, 5). У Матфея Иисус заповедует почитать родителей: «почитай отца и мать» (XV, 4), а у Иоанна высокомерно отказывается от своей матери со словами: «что мне и тебе, жено?» (т. е. «женщина, что общего между мной и тобой?» II, 4). У Матфея Иисус говорит: «блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (V, 5), а у Иоанна: «царство мое не от мира сего» (XVIII, 36).

Ограничимся хотя бы этими примерами противоречий в евангельском изложении учения Иисуса.

Далее, это учение не только противоречиво, но и неоригинально ни по содержанию, ни по форме: почти все оно надергано евангелистами из различных мест ветхозаветной литературы — «писания», из талмудических произведений и др. Венцом евангельского учения Иисуса церковники выставляют пресловутую «нагорную проповедь» с девятью «блаженствами», фигурирующую только у Матфея (V—VII). И вот нет почти ни одного изречения в этой проповеди, к которому нельзя было бы указать параллелей из ветхозаветной и другой нехристианской литературы.

Например, третье «блаженство»: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (V, 5), почти целиком списано с псалма XXXVI: «кроткие наследуют землю» (ст. 5). В шестом «блаженстве»: «Блаженны чистые сердцем, ибо они бога узрят» (V, 8), слышатся слова псалмопевца: «Кто взойдет на гору господню?.. Тот, у кого руки неповинны и сердце чисто» (пс. XXIII, 3—4).

В «нагорной проповеди» центральным местом учения Иисуса считаются верующими «заповеди блаженств», числом девять. Почему этих заповедей девять и почему все они начинаются словом «Блаженны»? Вместо ответа приводим следующее место:

1) «Блажен боящийся имени господа...»
2) «Блажен творящий суд праведный...»
3) «Блажен одевающий нагих и хлеб свой отдающий алчущим...»
4) «Блажен судом праведным судящий сироту и вдовицу...»
5) «Блажен отвращающийся от шатких путей мира сего...»
6) «Блажен сеющий семя справедливости, ибо он пожнет седмерицей...»
7) «Блажен хранящий истину...»

8) «Блажен имеющий на устах любовь, а в сердце кротость...»
9) «Блажен разумеющий дела господни...»

Девять, ровно девять «заповедей блаженств», как по содержанию, так и по форме почти аналогичных евангелиям. Откуда взяты они? Мы привели их из иудейской апокрифической «Книги Еноха», написанной задолго до евангелий.

Далее, у евреев существует молитва «кадиш», начинающаяся словами: «Боже, да святится имя твое в мире, сотворенном тобой по желанию твоему, да приидет царствие твое, да свершится спасение наше, да приидет помазанник (мессия) твой» и т. д. Эта молитва очень древняя, и в течение веков не раз видоизменялась.

Принадлежащая по евангелиям Иисусу молитва «Отче наш» является одной из древних форм иудейского «кадиша», заимствованной ранними христианами.

Как видим, приписываемое в евангелиях Иисусу учение противоречиво и в некоторой своей части даже неоригинально: Иисус в них то выступает против войны и насилия, то стоит за вооруженную борьбу; он то против богатства и богачей, то за них, он то отвергает «закон» иудейской религии, то настаивает на его соблюдении, и т. д.

Единого, стройного, последовательного религиозного учения в евангелиях нет, а есть только беспорядочный набор различных высказываний, постановлений, правил, заповедей, которые никогда не могли быть предложены и высказаны одним и тем же лицом. Несомненно, что вся эта мешанина отразила в себе борьбу различных взглядов и течений внутри христианских общин, когда каждое такое течение выдавало свои взгляды за учение Иисуса, приписывало их ему.

Однако в этой мешанине, несмотря на всю ее пестроту, ясно выступает одна общая политическая линия, делавшая и делающая «евангельское учение» Иисуса сугубо реакционным.

Уже «Павловы послания» признавали рабовладельческий строй Римской империи как установление божие и настойчиво призывали массы мириться со своим положением. Они учили, что всякая власть на земле установлена богом и что поэтому необходимо беспрекословно повиноваться ей. Обращаясь к наиболее обездоленным слоям населения империи — к рабам, послания предписывали им беспрекословное повиновение господам. Женщин, чье бесправное положение в семье и в обществе было тогда особенно тяжело, послания призывали к рабскому повиновению мужьям и вообще главе семейства.

Еще дальше пошли евангелия: они не только признали рабовладельческий строй империи, но и призывали христиан поддерживать этот строй. Устами сказочного Иисуса евангелия провозгласили реакционный политический лозунг: воздайте кесарево кесарю, божие богу. Отвлекая бедноту от классовой борьбы, евангелия увещевали ее находить утешение в религии Христа, не

противиться социальному «злу» и заботиться не о «хлебе насущном», а о душе и ее спасении. Рабам евангелия предписывали не только повиноваться, но даже выслуживаться перед хозяевами, грозя «ленивым и лукавым» из них всякими ужасами. Самого Христа евангелия изображали гостем богачей-рабовладельцев.

ЧУДЕСА ИИСУСА

Как мы уже отмечали, деятельность Иисуса заключалась, по свидетельству евангелий, в проповеди нового учения и в творении чудес. Рассказам о чудесах Иисуса отведено очень много места в евангелиях, изображающих его великим чудотворцем. Разумеется, все эти рассказы являются явными нелепостями, вымыслами, сказками. Наука доказала, что чудеса, связанные с нарушением законов природы, невозможны, и всякие рассказы о них — сознательный или бессознательный обман.

Евангелия писались в такое время, когда сказки о чудесах во множестве ходили в народе и приписывались самым различным «чудотворцам». Было бы странно и даже невероятно, если бы тогдашние христиане не окружили личность и имя своего сказочного Иисуса венком сказаний о чудесах, будто бы совершенных им.

Не было ни одного божества в древности, которому не приписывали бы чудотворной силы и деятельности. Рассказами об их чудесах полна литература того времени. В качестве примера сошлемся хотя бы на поэму «Метаморфозы» римского писателя эпохи Августа — Овидия Назона. Великим чудотворцем древности считался, например, греко-римский бог врачевания — Асклепий, или Эскулап, которого врачи считали своим небесным патроном, покровителем. Стены его храмов в г. Эпидавре (Греция) и в других местах были увешаны сделанными из золота, серебра и других материалов изображениями глаз, рук, ног и других частей тела, будто бы исцеленных этим божеством. Изображения эти с соответствующими благодарственными надписями помещали там «исцеленные» верующие. До нас дошло много таких надписей, изображений и рассказов о чудесах.

Вот, например, одна из надписей из храма Эскулапа, под Римом, от средины II в.: «Валерию Апру, ослепшему воину, бог дал указание пойти взять кровь белого петуха с медом, растереть в мазь и в течение трех дней мазать ею глаза. И он прозрел и, придя, всенародно возблагодарил бога». Известен рассказ, как один больной мальчик пришел однажды в храм Асклепия, чтобы узнать от бога средство от болезни. Асклепий будто бы явился во сне мальчику и спросил его: что тот подарит ему в награду за исцеление? Мальчик подумал и по-детски сказал: «костяные бабки». Бабки эти он, повидимому, считал наиболее дорогим и соблазнительным подарком. Асклепий рассмеялся над наивностью ребенка и исцелил его.

Великим чудотворцем считались в греко-римском мире также боги — Аполлон, братья Диоскуры — Кастор и Поллукс, Дионис и многие др. Про Диоскуров рассказывали, будто они чудесно спасают моряков от кораблекрушения, Аполлон исцеляет и предсказывает будущее, а Дионис в день своего январского праздника превращает воду в вино. Масса сказаний о различных чудесах была связана в древности также с именем легендарного мудреца Аполлония Тианского, которого «язычники» в III — IV вв. противопоставляли Иисусу Христу.

У древних евреев тоже была широко распространена вера в чудеса. Рассказами о чудесах была полна их библия. Больше всего чудес приписывалось в этой библии сказочным Моисею, Иисусу Навину, Илье и Елисею. Про них рассказывалось там, будто они чудесно ходили по воде, насыщали толпы людей малым количеством пищи, исцеляли различных больных и даже воскрешали мертвых.

Евангельские рассказы о чудесах Иисуса, несомненно, были созданы из всего этого «языческого» и ветхозаветно-иудейского мифологического материала. Еще Д. Штраус в своей «Жизни Иисуса» путем кропотливого сопоставления евангельских и ветхозаветных текстов доказал, что многие чудеса Иисуса были списаны христианами с ветхозаветных сказаний о Моисее, Илье и Елисее.

Что же касается самого главного чуда Иисуса — его собственного воскресения из мертвых и вознесения на небо, то это чудо мы уже встречали почти во всех эллинистических культах «спасителей». Да и древние евреи рассказывали, что их Енох, Моисей и Илия тоже вознеслись живыми на небо.

Ранние христиане, которые противопоставляли своего нового бога и спасителя — Иисуса Христа — всем божествам, героям и деятелям «языческого» и иудейского мира, не могли не приписать ему качеств и черт величайшего и непревзойденного чудотворца.

«Это было время, когда даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическое смешение грубейших суеверий различных народов принималось без всяких околичностей и дополнялось благочестивым обманом и прямым шарлатанством; время, когда виднейшую роль играли чудеса, экстазы, видения, привидения, гадание о будущем, изготовление золота, каббала и прочая мистическая чепуха. Такова была атмосфера, в которой возникло раннее христианство, возникло к тому же среди людей такого класса, который больше всякого другого был восприимчив к этим фантазиям о сверхъестественных вещах» (Ф. Энгельс — К истории раннего христианства. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 416—417).

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС И КАЗНЬ ИИСУСА

Важнейшее место в евангельском описании земной жизни Иисуса занимают рассказы об аресте, судебном процессе и казни Иисуса через распятие на кресте. Однако эти рассказы опять-таки совершенно не заслуживают доверия и являются нелепыми вымыслами.

Евангелисты, например, рассказывают, будто один из апостолов — Иуда — предательским поцелуем выдал Иисуса за 9—10 руб. (30 сребренников) врагам, иерусалимским жрецам. Но ведь враги эти, по евангелиям, и без того должны были хорошо знать Иисуса в лицо и могли выследить его проще: он целыми днями открыто проповедывал в Иерусалиме и совсем не скрывался. Арестовали Иисуса будто бы сами жрецы и их вооруженные воины в пасхальную ночь. Однако известно, что иудеям воспрещалось под праздники заниматься мирскими делами, а тем паче применять оружие.

Нелепо также евангельское описание судебного процесса Иисуса.

Согласно евангелиям, арестованного Иисуса судили и присудили к распятию на кресте главы иудейского народа — первосвященники, старейшины и книжники. Но такого судебного органа у евреев не было. Первосвященник же мог быть только один, причем он был лишен римлянами судебной власти и тем более не имел никакого права присуждать к смертной казни, которая, заметим кстати, у евреев производилась через побиение камнями, а не через распятие на кресте.

Евангелия рассказывают, будто Иисуса судили в доме первосвященника, но и этого быть не могло, так как по еврейским законам суд — синедрион — заседал и имел право заседать только в особом помещении при Иерусалимском храме и ни в коем случае не в частном доме, хотя бы даже самого первосвященника.

Судили Иисуса будто бы в пасхальную ночь. Но по иудейским законам суд не имел права устраивать своих заседаний ночью или вечером; судопроизводство совершалось только днем. Совершенно не разрешалось устраивать судебные заседания накануне суббот и вообще праздников, а также в дни самих праздников, и в особенности на пасху.

У евангелиста же Иоанна Иисуса судят накануне пасхальной субботы, у остальных евангелистов — в самую пасхальную ночь и на следующее праздничное утро. Сплошная юридическая нелепость даже для того времени, когда римляне еще не отняли у евреев права суда.

Явным абсурдом является также евангельское описание самого судебного процесса Иисуса. На нем главную обвинительную роль играли лжесвидетели, но ложное показание на суде у евреев каралось беспощадно. Иисуса будто бы осудили на смерть за

богохульство, за то, что он назвал себя «сыном божиим», но евреи считали и называли бога своим отцом, а себя — его сынами.

Так же смехотворно евангельское описание суда над Иисусом, якобы совершенного перед римским наместником Пилатом. Прежде всего надо заметить, что официальным местопребыванием римских наместников вообще, Пилата в частности, в Палестине был город Кесария, или Цезарея, а не Иерусалим. Затем, Пилат отличался самодурством, жестокостью и ненавистью к евреям. В евангелиях же он изображается робким и трусливым правителем и судьей: он будто бы, хотя и признает Иисуса невинным, заискивающе просит у еврейской толпы разрешения освободить подсудимого и уступает ей в ее требовании казни. Кстати отметим, что обычай умывать руки в знак невиновности — не римский, а еврейский.

Стоит ли добавлять еще, что никакого пасхального обычая в тогдашнем Иерусалиме отпускать на волю одного из преступников не было, и весь евангельский эпизод с Вараввой так же вымышлен, как вымышлено и издевательство римских воинов над Иисусом.

Иисуса будто бы распяли на кресте, прибив к нему гвоздями, причем он сам нес на Голгофу этот крест. Так ли? Распятие в те времена применялось главным образом к рабам и к военнопленным и производилось оно совершенно иначе: в землю заранее врывали простой столб, иногда с перекладиной в виде буквы «Т», жертву подтягивали к его верхушке, привязывали веревкой или цепью и оставляли умирать от жажды, голода и т. д. Столб этот вида креста не имел, осужденный его не нес и гвоздями к нему не прибивался.

Во всем описании последних дней земной жизни Иисуса евангелисты по обыкновению непримиримо противоречат друг другу. В качестве примера приведем хотя бы их тексты надписи, будто бы выставленной на кресте Иисуса:

у Марка — «Царь иудейский»;
у Иоанна — «Иисус Назарей, царь иудейский»;
у Луки — «Сей есть царь иудейский»;
у Матфея — «Сей есть Иисус, царь иудейский».

Что же касается обстоятельств самой смерти и воскресения Иисуса, будто бы отмеченных особыми чудесами: затмением солнца, землетрясением, разрывом храмовой завесы, выходом покойников из могил, исчезновением тела Христа, его посмертными явлениями ученикам и т. д., — то на явной сказочности их останавливаться не стоит. Таких сказок много гуляло по свету во времена евангелистов, и их рассказывали в связи со смертью и воскресением многих сказочных личностей.

Сказками об аресте, суде, смертной казни и воскресении Иисуса евангелисты старались конкретно изобразить его стра-

дающим, умирающим и воскресающим божественным спасителем и в то же время реальным, историческим лицом и деятелем. Иначе говоря, здесь, как и во всем евангелии, они проводили историзацию божества Иисуса.

ПОЛНОЕ МОЛЧАНИЕ НЕХРИСТИАНСКИХ АВТОРОВ I—II вв. ОБ ИИСУСЕ

Итак, евангельские рассказы о земной жизни Иисуса не заслуживают ни малейшего доверия, являются мифами и отнюдь не свидетельствуют в пользу историчности Иисуса, а наоборот, лишь подтверждают его мифичность. Иных документальных данных в защиту того, что Иисус когда-то действительно жил на земле, тоже нет, так как позднейшие христианские произведения II—III вв. являются лишь пересказами евангельских сказок.

Равным образом и археологические памятники ранних христиан, как-то: различные надписи, предметы обихода и культа, роспись на стенах катакомб — подземных кладбищ и т. д., относящиеся к той эпохе, также не дают ни малейшего указания на Иисуса как на реального, исторического деятеля.

Встречающиеся в катакомбах изображения «доброго пастыря» (пастуха с овечкой на плечах) и мифического певца Орфея, которые выдаются церковниками за раннехристианские символические образы Иисуса Христа, на самом деле не имели символического характера и свидетельствуют лишь о почитании греческого божества Гермеса-Криофора («Несущего ягненка») и Орфея орфических «таинств».

Что же касается катакомбных изображений рыбы и ягненка — агнца, в которых церковники тоже усматривают раннехристианские символы Христа, то на самом деле эти символы были заимствованы христианами из «языческих» религий и означали: рыба — «спасение», а ягненок — «невинность и чистоту души» того или иного умершего человека («агнец» изображался только на надгробиях). По существу же все эти раннехристианские изображения «пастыря доброго», Орфея, рыбы и агнца, даже если бы они относились к Иисусу, ничего не дают в защиту его историчности (см. статью А. Дмитрева — Вопрос об историчности Христа в свете археологии. Журнал «Атеист», № 42, 1929 г.).

Таким образом, никаких заслуживающих доверия данных в защиту историчности Иисуса раннехристианские документы и памятники не дают. Но, может быть, о личности Иисуса и о его земной деятельности что-либо достоверное сохранила нам нехристианская литература I—II вв.?

И этого нет.

Ни один из нехристианских писателей того времени, труды которых дошли до нас целиком или частично, ни единым словом не упоминает об Иисусе, как человеке. А писателей этих было много. Так, в те годы жили: в Греции — историк и моралист Плутарх (40—120 гг.); в Риме — философ Сенека (умер в 65 г.), поэты Персий (34—62), Лукан (39—65), Марциал (40—103), Ювенал (45—130), историки Тацит (54—119), Плиний Младший (61—113), Светоний (родился в 75 г.) и ряд других. Из тогдашних еврейских авторов следует назвать философа Филона (умер в 54 г.), историков Юста из Тивериады (писал в 60 — 80 гг.) и Иосифа Флавия (37 — 100).

И вот ни один из этих писателей ни единым словом не только не упоминает об Иисусе Христе, как историческом деятеле, но ничего вообще не сообщает о нем. А между тем все эти писатели в своих произведениях называют имена многих крупных и мелких лиц своего времени, описывают отдельные события их жизни, отмечают время и место их деятельности. Особенно красноречиво здесь гробовое молчание об Иисусе тогдашних еврейских авторов — Филона и Иосифа Флавия. Оба они были крупными писателями своего времени, принимали живейшее, активное участие в политической и религиозной жизни своего народа и оставили подробнейшее описание тех событий и лиц, которые интересовали и волновали тогда евреев.

Умолчать, не упомянуть об Иисусе все эти писатели не могли бы, если бы он действительно жил в их время, выступал со своей проповедью или делал хотя что-нибудь из того, что приписывают ему евангелия и церковь. Это молчание всех нехристианских авторов об Иисусе как историческом деятеле рано учли церковники. Они еще в III—IV вв. подделали труды некоторых из названных писателей (Флавия и Тацита), но сделали это так неуклюже, что историческая критика легко разоблачила эту фальсификацию.

Иллюстрируем это на примере с Иосифом Флавием.

В дошедшей до нас и написанной около 64 г. «Иудейской войне» Иосиф Флавий об Иисусе не говорит ни слова. Но вот в некоторых сохранившихся греческих рукописях его второго большого труда — в «Древностях иудейских» — мы встречаем в III главе среди перечисления различных бедствий, постигших еврейский народ в первой половине I в., такие слова:

«В это время выступил Иисус, человек глубокой мудрости, если только можно назвать его человеком. Он творил чудеса и был учителем людей, с радостью воспринимавших истину: многих из иудеев и греков он привлек на свою сторону. Это был Христос (мессия). Когда по доносу первенствовавших у нас лиц Пилат распял его на кресте, не поколебались те, кто первыми его возлюбили. На третий день он снова явился к ним живой, о чем, равно как и о тысяче других чудесных дел, предсказали еще божественные пророки. И до сих пор еще существует род христиан, получивших от него свое имя».

Таково пресловутое «свидетельство» Иосифа об Иисусе

Христе. Что это место является несомненной позднейшей вставкой самих христиан, об этом говорит многое.

Во-первых, совершенно очевидно, что это сообщение об Иисусе могло быть написано только христианином, верующим в воскресение Христа и в его божественную миссию.

Во-вторых, ни один из церковных авторов первых трех веков христианства не упоминает об этом отрывке: его не знают, его не приводят и на него не ссылаются ни Юстин, ни Ириней, ни Тертуллиан, ни Климент Александрийский и др. Первое упоминание и знакомство с данным отрывком мы встречаем только у церковного историка Евсевия, около 320 г., из чего следует, что «свидетельство» это было сфабриковано и текст Иосифа подделан незадолго до этого времени, в начале IV в.

Эта фальшивка не попала и не могла попасть во все существовавшие тогда рукописи «Древностей» Иосифа. В руках константинопольского патриарха Фотия в IX в. был экземпляр «Древностей», где этот текст отсутствовал. Такой же экземпляр, без вставки об Иисусе, имел также исследователь Гифаний в XVI в. Зато до нас дошло несколько рукописей «Иудейской войны» Иосифа, где фигурирует, причем в самых различных местах, все та же фальшивка из «Древностей». Характерно, что в одной из этих рукописей фальшивка эта дополнена еще следующими словами:

«Все же праведные и неправедные будут подвергнуты суду по слову божию, ибо ему (Иисусу) отец дал суд. И вот он, исполняя волю отца, явится в качестве судии; это — тот, кого мы называем Христом. Это не Минос и не Радамант (мифические загробные судьи. — *Н. Р.*), как у вас, эллинов; таковым назначил его бог и отец, в чем убедились мы, ищущие правды; каждому вынося соответствующий приговор отца, он всем и каждому воздаст по делам его. Поставленные пред судом его люди, ангелы и демоны единогласно воскликнут: справедлив его суд!

Когда раздастся этот глас, тем и другим будет воздано должное. Творившим добро он назначит вечное блаженство, погрязшим во зле — вечное наказание. Для последних предназначен вечный неугасимый огонь; некий червь, живущий в огне, неустанный, но не уничтожающий тела, и постоянная боль будут пронизывать плоть».

Все эти подлоги — вставки о Христе — явно состряпаны из евангельского материала. Эта фальсификация, повидимому, не удовлетворяла некоторых церковников, и они взамен ее сфабриковали другую. До нас дошел древнеславянский перевод «Иудейской войны» Иосифа в рукописях XVI—XVII вв., в котором вставки о Христе имеют совершенно иной вид.

Христианские вставки об Иисусе в греческих и славянских рукописях исторических трудов Иосифа Флавия ясно показывают нам, что церковники еще издавна учитывали значение его

молчания об Иисусе и пытались путем подлогов превратить его в свидетели историчности Христа.

ПРИЧИНЫ НАПИСАНИЯ ЕВАНГЕЛИЙ И ИСТОРИЗАЦИИ ИИСУСА

Как мы теперь убедились из разбора раннехристианской литературы и нехристианских произведений I—II вв., Иисус Христос действительно является личностью неисторической, сказочной, божеством, которое лишь постепенно было наделено чертами человека и исторического деятеля, причем историзация Иисуса нашла свое отражение в евангелиях. Спрашивается, почему произошло такое превращение Иисуса из божества в богочеловека и даже человека, а также почему и в каких целях были написаны во II в. евангелия, где эта историзация впервые была проведена?

В первой половине II в. между христианством и иудейской религией произошел окончательный и полный разрыв, перешедший в обоюдную ненависть и ожесточенную борьбу. Не отказываясь от вербовки сторонников себе среди части иудеев, христианство еще шире развернуло тогда свою пропаганду среди «язычников» и находило среди них все больше последователей, которых гнали к нему социальные условия того времени. Христианская пропаганда ставила ряд неотложных задач перед проповедниками и писателями в отношении как иудеев, так и «язычников».

В борьбе с правоверными иудеями христиане не раз должны были слышать и слышали их нападки и возражения относительно учения и личности Иисуса как мессии-христа. Иудеи указывали, что об Иисусе и его искупительной деятельности ничего не известно, не известно даже, приходил ли он на землю, каково было отношение его к ветхозаветному закону, почему христиане устами авторов «Павловых посланий» объявляют этот закон уже отжившим и отмененным с приходом христа и т. д. Особенно странным и прямым «соблазном» казалось иудеям учение христиан о позорной смерти мессии на кресте.

На все эти возражения и вопросы должны были ответить евангелия. Отсюда у евангелистов в отношении иудеев была задача — показать и доказать на самом ветхозаветном «писании», что именно на Иисусе осуществились все мессианские обещания божьи, что именно он был долгожданным мессией — спасителем, что именно через него утратил силу «ветхий завет» и старый «закон» и бог дал людям «новый завет» и новый «закон», открыл им новые пути его познания и спасения.

Для всего этого христианским пропагандистам и авторам мало было уже отвлеченных и туманных религиозно-философских и догматических доводов «Павловых посланий». Требовалась цельная и связная «история» земной жизни новоявленного мессии-христа, где он выступал бы одновременно человеком и су-

ществом высшего порядка, превзошедшим всех ветхозаветных деятелей иудейской древности. Это послужило одной из причин написания евангелий и историзации Иисуса.

После разрыва с иудеями христианская пропаганда была направлена главным образом в сторону «язычников», из которых многие еще до того склонялись к иудейской религии, частично или полностью ее принимали и были «прозелитами» — обращенцами. Для того, чтобы завербовать их, требовался, на ряду с соответствующим учением и культом, еще такой образ божества, для них нового, который был бы им понятен, доступен и близок.

Широкие народные массы «язычников» отнюдь не считали, что существует какая-то непроходимая пропасть между богами и людьми. Свои божества они представляли себе в человеческом виде и даже в человеческой плоти, наделяли их человеческими страстями, рассказывали о их жизни и приключениях на земле.

Когда в греко-римскую религию проникло множество культов различных чужих богов, «небо» этой религии оказалось заселенным самой пестрой по национальности толпой таких богочеловеков, причем «пришельцы» оттесняли собой на задний план главных и исконных богов Олимпа. Это обстоятельство остроумно высмеял уже упоминавшийся нами тогдашний автор Лукиан в своем произведении под заглавием «Собрание богов». В нем он рассказывает, как будто бы однажды сами боги на небе, испугавшись засилия массы новых божеств из людей, даже из иностранцев, устроили специальное собрание и постановили провести в своей среде «чистку».

«Ввиду того, — говорится в постановлении богов,—что многие чужеземцы, не только эллины (греки), но и варвары, отнюдь не достойные делить с нами права гражданства, неизвестно каким способом попали в наши списки, приняли вид богов и так заполнили небо, что пир наш стал теперь похожим на сборище беспорядочной толпы, разноязычной и сбродной, что начало нехватать амбросии и нектара, и кубок стал стоить целую мину из-за множества пьющих; в виду того, что они самоуправно вытолкали богов древних и истинных, требуя первых мест, вопреки отцовским обычаям, и желая большего почитания на земле, — постановил совет и народ (богов) созвать собрание на Олимпе, чтобы пересмотреть списки и удалить с неба незаконно пробравшихся туда новых богов из людей» (см. Лукиан т. I, стр. 497—504).

Итак, «язычники» знали множество своих богов и полубогов, которые будто бы некогда жили и действовали на земле во плоти и образах людей, частенько сходили на землю в человеческом виде, совершали здесь различные деяния, в том числе и чудеса, причем некоторые из них будто бы даже умирали на земле, затем воскресали и возносились на небо.

Но все эти божества или богочеловеки языческих религий и мифологий были как-то далеки от людей, мало жили их нуждами и интересами, особенно интересами широких народных масс и рабов. Кроме того, подавляющее большинство этих небожителей было божествами господствующих классов и императорской власти, т. е. тех, от кого приходилось страдать бедноте и рабам, всем этим «труждающимся и обремененным».

Дать яркий, наглядный, близкий по характеру и доступный для понимания этих «язычников» образ христа, наделить его индивидуальными человеческими чертами, не умаляя вместе с тем и его божественной природы, низвести его на время с неба на землю, связать с определенной исторической обстановкой, развернуть дело его искупительного подвига и учения в цельную, связную историю и т. д. — все это было второй целью написания евангелий и историзации Иисуса.

Но это было еще не все: на ряду с интересами религиозной пропаганды имелись еще причины внутреннего порядка, связанные с теми крупными изменениями, которые происходили и произошли тогда внутри самих христианских общин в связи с развитием культа, церковной организации и вероучения.

Отрицая вначале все национальные религии и их обрядность, христианство потом само стало нуждаться в культе, как существенном элементе всякой религии. В начальный период, как мы видели, христианский культ был прост. Часть христиан из евреев продолжала еще держаться некоторых предписаний моисеева «закона». Большинство же христиан соблюдало только еврейские праздники — пасху и пятидесятницу, праздновало свой еженедельный «день господень» и отмечало его общинными собраниями и трапезами.

Постепенно культ этот стал усложняться за счет заимствования обрядов из других религий. Так, с конца I в. появились, а во II в. заняли уже видное место в христианских общинах таинства водного крещения и причащения хлебом и вином. заимствованные из эллинистических культов. Таинство причащения стало соединяться с «днем господним», и постепенно вырабатывалось сложное церковное богослужение — «литургия» или обедня.

Пасха потеряла свои прежние иудейские черты, слилась с эллинистическими праздниками «смерти и воскресения» растительных божеств и сделалась главным христианским праздником. При этом часть христиан заимствовала для нее и «языческую» весеннюю дату — 25 марта. Иудейская пятидесятница превратилась в христианскую «троицу», в обоснование чего была создана сказка о «сошествии святого духа на апостолов».

Тогда же христиане египетской Александрии заимствовали местный эллинистический праздник «богоявления» Сераписа-Озириса и превратили его в свой тройной январский праздник «рождества, крещения и богоявления» Иисуса. Их примеру по-

следовали другие христиане, особенно тех местностей, где существовал такой же январский праздник «богоявления» Диониса.

Возможно, что из египетского культа христиане заимствовали в то время также и почитание креста как фетиша — священного предмета и магического знака, будто бы отгоняющего злых духов и дарующего счастье, здоровье и жизнь.

Такова была новая культовая практика у христиан II в. Она требовала обоснования в мифологии жизни Иисуса, и эту задачу выполняли евангелия.

Ведь, чтобы объяснить происхождение различных новых обрядов, таинств, праздников и т. д., подвести под них историческое обоснование, связать их с именем, личностью и деятельностью Христа, освятить их таким образом, оформить и узаконить их, сделать общеобязательными, — для этого нужна была обстоятельная земная история Христа, которая и нашла свое выражение в евангелиях.

Кроме того, образовавшийся внутри христианских общин клир и поддерживаемая им новая церковная организация тоже нуждались тогда в своем религиозно-божественном освящении и укреплении на примере и авторитете самого Иисуса Христа, а также на «писании». Особенно домогались этого епископы, ставшие полновластными хозяевами в своих церковных общинах.

В интересах клира было показать, что этот новый общинный — церковный — строй был установлен еще самим Христом на земле, что епископы, пресвитеры и диаконы являются прямыми преемниками Христа, его апостолов и их учеников, что они поэтому в первую голову и исключительно обладают «благодатью святого духа» и всеми административными правами и имеют преимущественное право жить за счет общины мирян и распоряжаться ее имуществом.

Для этого опять-таки надо было свести Христа на землю, превратить его в историческую личность, поставить его в определенную историческую обстановку, окружить его ближайшими апостолами и их учениками, выставить их единственными обладателями учения Христа и о Христе, приписать ему организацию первой общины в строго иерархическом и церковном духе, т. е. с передачей своей божественной власти, по преемственности, апостолам, а через них — епископам.

Кроме того христианам надо было установить для себя какие-то правила поведения, найти ответы на всю ту массу вопросов, которые выдвигала перед ними социальная жизнь того времени и условия рабовладельческого общества. Ответы на эти вопросы различными христианами, в зависимости от того, кем они были по своей национальности, общественному положению, прежней религиозной принадлежности и т. д., давались различные, причем часто освящались именем и авторитетом Христа или «писания».

С установлением единой и единообразной церковной организации такой разнобой в вероучении был уже не терпим, требовалось и здесь какое-то единообразие, освященное опять-таки примером и личностью небесного «главы церкви». Для этого надо было выработать какой-то единый новый образ Христа, поставить Христа в земные условия, столкнуть его с необходимостью ответа на ряд жгучих вопросов, приписать ему те или иные ответы и таким образом освятить их, сделать общеобязательными, выставить их догмами вероучения и нормами поведения для всех верующих.

Все это тоже выдвигало необходимость составления евангелий и историзации Иисуса.

Наконец, евангелия необходимы были христианам для богослужебных целей: для зачитывания их на собраниях христиан, которые ставили себе в это время уже задачей создание своей священной литературы, своего писания, своего «нового завета» в дополнение и в противовес иудейскому «ветхому завету».

В итоге стала появляться и множиться евангельская литература, причем церковь позднее, в IV в., из всей массы евангелий отобрала только четыре и только их она объявила «каноническими». Как удалось авторам этих евангелий справиться со своей задачей в деле историзации сказочного божественного спасителя Иисуса Христа, — это мы видели при разборе их рассказов о его рождении, учении, чудесах, смерти, воскресении и вознесении на небо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы познакомились с происхождением христианских сказок об Иисусе Христе. Мы видели, что с самого своего начала они играли реакционную роль опиума народа. Эта роль их еще более усилилась, когда христианство сделалось государственной религией империи, а церковь окончательно перешла на службу императорской власти.

Уже в ту эпоху эта новая религия со всеми ее сказками, обрядами, церковной организацией служила в руках эксплоататорских классов одним из орудий для одурачивания, угнетения и эксплоатации темных трудовых масс и отвлекала эти массы от революционной классовой борьбы.

Так было и дальше, после гибели рабовладельческого строя, в условиях крепостнического и затем капиталистического общества. К. Маркс, останавливаясь на реакционной сущности христианства и его социальных принципов, писал:

«Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защитить, хотя и с жалкой гримасой, современное угнетение пролетариата.

Социальные принципы христианства проповедуют необходи-

мость существования классов — господствующего и порабощаемого...

Социальные принципы христианства переносят на небо обещанное консисторским советником вознаграждение за все перенесенные на земле мерзости и тем самым оправдывают продолжение этих мерзостей на земле.

Социальные принципы христианства провозглашают все гнусности угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей премудрости ниспосылает искупленным им людям.

Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, подчинение, смирение, словом — все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с отребьем человечества, для пролетариата смелость, самосознание, чувство гордости и независимости — важнее хлеба.

На социальных принципах христианства лежит печать пронырливости и ханжества, пролетариат же—революционен» (Маркс —Коммунизм «Рейнского обозревателя». Т. V, стр. 173—174).

Такова реакционная сущность христианства на протяжении всего его существования. В настоящее время в странах капитализма кровавый фашизм вместе с римским папой использует эту религию для отвлечения трудящихся масс от классовой борьбы, для разложения единого революционного фронта трудящихся и для подготовки новой мировой бойни и интервенции против СССР как страны победившего социализма. В этих целях римский папа, между прочим, еще в декабре 1925 г. официально выступил перед верующими с новым учением о Христе как «царе».

В нашей стране христианство со своими сказками о Христе держит еще политически отсталых трудящихся в сетях нелепых религиозных представлений и верований и отвлекает их от активного участия в социалистическом строительстве. Христианство, как и другие религии, являясь реакционнейшей идеологией, используется в контрреволюционных целях остатками разгромленных эксплоататорских классов.

Сознательные трудящиеся, понимая вред религии как опиума народа, с презрением отбрасывают от себя религиозные предрассудки и, вооруженные революционным мировоззрением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, ведут борьбу за полное освобождение широких народных масс от этого мрачного пережитка капитализма.

Биолиб

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Состояние Римской империи в I в.	4
Крах национальных религий	6
Императорский культ в Римской империи	7
Эллинистические таинства Сераписа и Изиды	10
Фригийский культ Аттиса и Великой матери богов—Кибелы	12
Сиро-финикийский Адонис	14
Греко-фракийский спаситель Дионис	16
Митраизм	17
Общая характеристика эллинистических культов	20
Зарождение образа Иисуса Христа	22
Причины успеха христианства	25
Начальное христианство и его образ Иисуса в «Откровении Иоанна»	27
Христианство и образ Иисуса «Павловых посланий»	30
Начало евангельской литературы	33
Историческая несостоятельность канонических евангелий	34
Евангельские сказки о рождении Иисуса	36
Противоречия в евангельском учении Иисуса	39
Чудеса Иисуса	42
Судебный процесс и казнь Иисуса	44
Полное молчание нехристианских авторов I—II вв. об Иисусе	46
Причины написания евангелий и историзации Иисуса	49
Заключение	53